

С(к)уп
138
335 222

ДЕТИ ВЕТРА

Чувашские сказки

ББК 84.Чув 7—4
Д 38

ДЕТИ ВЕТРА

Чувашские сказки

Перевод и обработка

Ирины Митта

Рисунки

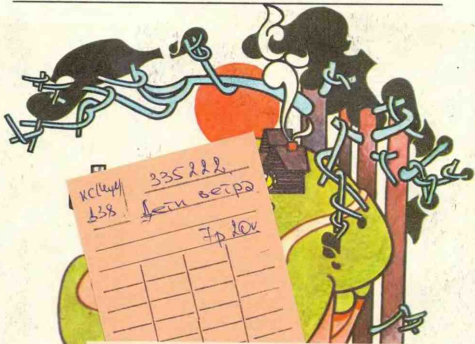
Валерия Смирнова

Чебоксары

Чувашское книжное издательство
1988

Д $\frac{4803710204-108}{M 136(03)-88}$ 79-88

ISBN 5-7670-0071-9

Возвратите книгу не позже
обозначенного здесь срока

24/11-03			
~~24/11-04~~			
~~24/11-05~~			
24.11.04			

ДЕТИ
ВЕТРА

Ж

1

Жила когда-то в нашем краю вдова и был у нее сын Иван десяти лет от роду, единственный помощник матери.

Однажды мать посылает мальчика на мельницу смолоть рожь, а ехать не на чем. Жили они бедно, не то что лошади — курочки рябой и то не было. Закинул Иван мешок за спину и пошел пешком. Шел, шел, а когда устал, решил отдохнуть. Огляделся, хотел поставить мешок на пенёчек, но споткнулся вдруг и упал. Мешок развязался, а все зерно высыпалось на землю. Тут откуда ни возьмись налетел сын Ветра и разнес зерно по всему полю. Пригорюнился Иван, да делать нечего. Взял он пустой мешок и побрёл обратно домой. Рассказал матери, какая беда приключилась с ним в дороге, а мать говорит:

— Ступай, сыночек, в дом детей Ветра, расскажи хозяйке, как все было. Вдруг она пожалеет нас, вернет рожь.

Послушался Иван, отыскал дом детей Ветра и пожаловался хозяйке:

— Твои сыновья развеяли по полю наши последние зёрнышки. Не вырастет теперь у нас рожь, не станет хлеба, помрём мы с голоду.

335222

Республиканская
детская библиотека
им. Н. Н. Крупской

— Хорошо, мальчик,—говорит мать детей Ветра.— Подожди, пусть вернутся дети.

Вот пришел домой старший сын. Мать показывает ему на Ивана:

— Сынок, не ты ли развеял по полю рожь этого мальчика?

— Я корчую столетние дубы в лесу. К лицу ли мне обижать детей!

Потом вернулся средний сын.

— Сынок, не ты ли это озоровал, раскидал из мешка последние зёрнышки бедного мальчика?— спрашивает его мать.

— Буду еще связываться со всякой мелочью! Я срываю крыши с домов, ломаю крылья ветряным мельницам,—недовольно отвечает тот.

Тут прилетел младший Ветерок, увидел Ивана и сам во всем признался.

— Что дадим мальчику вместо ржи?—спрашивает мать у сыновей.

— Отдай ему волшебный пирог,—говорят дети Ветра.

Хозяйка дала Ивану пирог и наказала не пробовать его до самого дома.

Иван взял пирог, обещал не трогать его и

Вихрем помчался домой. Но не успел он пройти и полпути, как наступил вечер. Недалеко от дороги жила тётя мальчика, вот он и решил переночевать у нее.

— Тётушка, ты не вздумай пробовать этот пирог, его до самого дома трогать не велено,— предупредил Иван.

— Ладно, ладно! Умаялся, поди, за день-деньской, ложись, отдохни,— успокоила его тётя и уложила спать.

Как только Иван уснул, она потихоньку взяла и разломил пирог, и посыпалось оттуда золото да серебро. Обрадовалась тётка, быстро припрятала пирог, а наутро дала Ивану другой, который сама испекла. Иван и принёс его домой.

— Эх, сынок, сынок!— горько вздохнула мать.— Разве из мешка ржи мы бы только один пирог испекли? Отнеси его обратно, пусть не смеются над бедняками.

Делать нечего: Иван снова отправился в путь-дорогу.

— Сынки, что мы теперь дадим мальчику взамен ржи?— спрашивает мать детей Ветра.

— Отдай ему козу, — посоветовали сыновья. Взял Иван козу за рога и отправился домой. И на этот раз вечер застал его в дороге, и пришлось зайти переночевать к тётке.

— Тётушка, смотри, не говори козе: «Цоб-цобе, цоб!» До самого дома не велено говорить этих слов.

— Ладно, племянничек, ладно. Устал, по-ди, за целый день в дороге, ложись, поспи, — успокоила мальчика тётка.

Но как только Иван засопел, она вышла во двор и давай подзывать козу: «Цоб-цобе, цоб!»

И посыпались из вымени у козы золотые и серебряные монеты. Тётка Ивана быстренько подмела веником деньги и спрятала козу. А утром вывела из хлева свою старую, которая была точь-в-точь похожа на волшебную. Привел ее Иван домой, а бедная мать ещё пуще пригорюнилась:

— Эх, сынок, сынок, самим есть нечего, где нам козу прокормить. Отведи ее лучше назад.

Пришлось Ивану опять возвращаться в дом детей Ветра.

— Мамка моя бранится, говорит, не то что

козу прокормить—у самих кусочка хлеба нет,—рассказывает он хозяйке.

—Что делать нам с этим мальчиком, как помочь ему?—спрашивает та у своих сыновей.

—Дай ему вон ту дубину!—говорит старший сын. А сам наказывает Ивану: «Взять-то возьми ее, только не вздумай говорить по дороге: «Гей, дубинушка, гей». Смотри, до самого дома крепись, иначе тебе же худо будет».

Положил Иван дубину на плечо и зашагал домой. Но не успел он пройти и полдороги, как солнце стало садиться, и ему опять пришлось зайти к своей тётушке на ночлег.

—Смотри, тётушка, не говори дубинке: «Гей, дубинушка, гей!» До самого дома не велено так говорить.

—Не печалься, Иванушка,—отвечает тётя.—Устал, поди, в дороге, ложись на перину, поспи.

Только успел Иван задремать, кинулась тётка к дубине и зашептала:

—Гей, дубинушка, гей!

Дубина тут же вскочила с пола и принялась изо всех сил колотить её по спине и по бо-

кам. Тётка не знает, куда деваться, и так и эдак пытается увернуться. А дубина не отстаёт, носится по избе вслед за ней и знай себе дубасит. Не выдержала тётка, стала кричать, звать Ивана:

— Иван, уйми дубинку! Все назад верну: и козу, которая доится золотыми и серебряными монетами, и пирог с золотой и серебряной начинкой. Помоги, Иван, уйми проклятую!

— Встань, дубина, на место!—приказал Иван, и та в тот же миг успокоилась, встала в угол возле двери.

Охая и ахая, тётка вернула Ивану и пирог, и козу, даже вышла на крыльцо проводить его. Иван вернулся домой, с порога велел козе доиться, а сам разрезал пирог.

— Гляди, мама, сколько добра у нас сразу стало!

Обрадовалась его мать, даже всплакнула на радостях. И стали они с тех пор жить да поживать, горя не зная, не плакать, а смеяться, да петь, да плясать.

КАК НАШЛИ ОГОНЬ

Ж

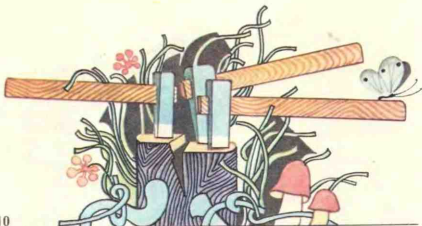

или-были в далёкие времена три брата. Старшего звали Юхапи, среднего—Юскапи, а младшего—Юркапи. Старшие братья были работающие, но молчаливые: слова лишнего никогда не скажут. Поэтому люди и считали их умными.

А младший рта никогда не закрывал. Настоящий балагур и весельчак был. Что у него на уме, то и на языке. Пуще всего любил он дурачиться да над людьми потешаться. И прозвали его за это Юркапи-дурачок.

Однажды братья поехали в лес дрова на зиму готовить. Мать положила им в белый холщовый мешочек хлеба, картошки, соли, луку, чтобы можно было в лесу обед сварить и поесть посытнее.

Как добрались пареньки до леса, сразу взялись за работу: валят один дуб за другим, тут же пилат на бревнышки и складывают в телегу. Так увлеклись, что и не заметили, как наступил вечер. В темноте много не наработаешь, пришлось отложить топоры и пилы. И тут только они почувствовали, как сильно проголодались, взялись скорее готовить ужин. Приладили котелок, собрали для

Костра хворост и спохватились: спичек-то у них, оказывается, не было, забыли взять. Туда заглянули, сюда, все вещи перерыли, но нет, нечем разжечь костёр — и все тут. По-вздыхали они, погоревали и решили идти искать огонь.

Первым отправился Юхапи. Долго шел он по темному лесу и вдруг увидел могучий старый дуб. Дерево высокое, растет до самого неба. Юхапи ловко вскарабкался на него и стал смотреть вокруг. И увидел, что далеко-далеко, где темнеет край неба, мелькает слабый огонёк. Юхапи спустился с дуба и направился в ту сторону.

Долго шёл он и наконец добрался до небольшого костра. Перед огнём сидел Чиге-старик: ростом с локоток, а борода длиннющая, аж по земле волочится.

— Дедушка, дай огоньку, — просит Юхапи.

— Сначала сказку Расскажи, спляши да песню спой, вот тогда будет тебе огонёк, — отвечает Чиге-старик.

— Ни сказки рассказывать не умею, ни петь, ни плясать.

— Тогда нет у меня для тебя огня,—сказал старик и скрылся из глаз. Исчез и костёр, словно никогда здесь и не горел.

Пришлось Юхапи ни с чем возвращаться к братьям.

Настал черёд идти искать огонь среднему брату, Юскапи.

Юскапи направился той же дорогой, по которой шел старший брат, и скоро дошел до высокого дуба. Взобрался Юскапи на него и стал смотреть по сторонам. Далеко-далеко, где синее небо, он увидел маленький огонёк.

Юскапи торопливо спустился на землю и зашагал в ту сторону.

Шёл, шёл и видит: горят на земле сухие ветки, а перед огнём сидит Чиге-старик и греет руки. Недолго думая, Юскапи попросил у него огня.

— Сначала сказку Расскажи, спляши, песенку спой,—говорит ему старик.

— Нет, не могу. Таким делам нас отец с матерью не учили,—отрезал Юскапи.

— Коли так, то нет у меня для тебя огня,—

сказал старик и будто сквозь землю вместе со своим костром провалился.

Опустил голову Юскапи и ни с чем вернулся обратно.

Делать нечего—пришлось старшим посылать за огнём Юркапи.

— Ну, братья, прощевайте! Не скучайте тут без меня, я скоро вернусь!—Юркапи весело помахал им и зашагал в глубь леса, напевая во все горло какую-то дурацкую песню.

Шел, шел Юркапи и дошел до старого дуба. Залез на него и стал смотреть. Видит: далеко-далеко, где синее небо, горит костёр. Юркапи соскочил на землю и быстрее помчался в ту сторону.

Добрался он до костра и видит: перед огнем один-одинёшенек сидит Чиге-старик. Юркапи поклонился ему в пояс, потом заговорил ласково:

— Как поживаешь, дедушка? Как твое здоровье?

— Живу потихоньку,—отвечает старик.— А ты куда путь держишь, мил человек? Ищешь ли чего?

— Дело-то у меня вон какое вышло, дедушка: мы с братьями за дровами приехали, решили к зиме подготовиться. Целый день работали, много дров наготовили. За работой и не заметили, как вечер настал. Собирались ужин готовить, да оказалось, нечем костёр разжечь: забыли мы спички взять. Вот и пришёл я к тебе огоньку попросить.

— Покажи-ка ты сначала себя,—говорит старик.—Сказку расскажи, спляши, спой, а там поглядим.

— Петь-плясать не больно мастак, а вот сказку расскажу. Чур, только уговор такой: когда я буду рассказывать, ты сиди тихо, ни слова не говори. Коли скажешь хоть одно слово, дашь мне горящую головешку, а впридачу заплатишь сто рублей.

Старик с довольным видом погладил бороду и кивнул головой. Юркапи начал рассказывать.

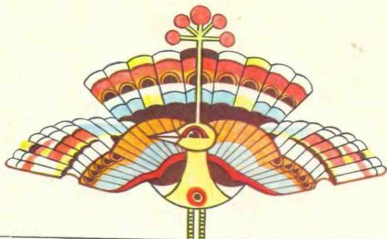
— Однажды сел я на вороного коня, заткнул за пояс топор и отправился в лес. Долго ли ехал, коротко ли—оглянулся назад: батюшки!—у кобылы задних ног как не

бывало! Видать, топором нечаянно отрезало. Но лошадь знай себе бежит, даром что одни передние ноги остались. Я не стал долго думать — повернул назад и помчался обратно искать задние ноги. Ехал так, ехал и вижу: задние ноги моего коня пасутся в табуне. Схватил я их и крепко-накрепко приколотил на прежнее место деревянными гвоздями. Снова еду дальше. Долго ли ехал, коротко ли — обернулся опять назад. Гляжу и глазам своим не верю: от дубовых гвоздей взошёл махонький дубочек. Растет и растет он, до самого неба дорос. Недолго думая, взобрался я по нему до самой вершины. Передо мной тут же настезь распахнулись небесные ворота. Сердце заколотилось, вот-вот из груди выскочит. Но креплюсь, не хочется страх свой показывать. Вошёл я, значит, в эти ворота, а за ними гладкая-прегладкая дорога. Пошёл по ней. Смотрю: посреди неба стоит красное дерево, а на ветвях его сидит красивая птица. В ушах у нее полыхают бриллиантовые серёжки, на запястьях звенят золотые браслеты, на лапки обуты вышитые бисером башмачки,

пушистый хвост переливается разноцветными перьями, глаза огнем горят. «Какая чудная птица, вот бы поймать», — думаю я. Только протянул руку, чтобы схватить ее — птица шевельнулась и тут же куда-то исчезла. Кругом стало так темно, что ничего не видно, хоть глаз выколи. Я повернулся и хотел пойти обратно. Но ни дороги не вижу, ни своих следов найти не могу. «Где же небесные ворота, как их теперь отыскать?» — гадаю я. На мое счастье птица в это время взмахнула крылом и осветила сразу полнеба. Оказывается, я стою как раз возле ворот. Глянул вниз: моего коня и след простыл. «Что делать? Как спуститься на землю?» Есть тут от чего задуматься, сам понимаешь. В этот момент поднялась буря и кинула недалеко от меня охапку соломы. Я свил из соломы верёвку, один конец её прикрепил за край неба, а другой опустил на землю и начал потихоньку спускаться. Долго спускался, наконец добрался до конца веревки. Посмотрел вниз, а до земли еще примерно столько же осталось. Повис я на конце веревки, ни на землю спуститься не могу,

ни обратно на небо взобраться. Страшно между небом и землей болтаться, ветер из стороны в сторону качает. Долго так висел, и вдруг веревка возьми и оборвись. Это, оказывается, золотая птица вострепелась, заиграла на солнце своими разноцветными перьями и ворота неба с громким стуком захлопнулись. А я сорвался со страшной высоты прямо в море. На море собралось видимо-невидимо чертей. «Что это они так суетятся»,—думаю я. Оказывается, навоз взялись вывозить. Порядок, значит, на море наводят. Обрадовались они, когда меня увидели. Запрягли, дедушка, черти твою душу и послали меня вывозить на ней навоз.

Чиге-старик не выдержал, закричал:

— Неправда! Моя душа со мной!

— Тогда дай мне горящую головешку и сто рублей денег,—напомнил Юркапи.—Помнишь, уговор у нас с тобою был.

Пришлось Чиге-старикуну дать Юркапи горящую головешку и вдобавок заплатить сто рублей. Так Юркапи принес братьям и огонь, и свет, и тепло, и радость.

ЮМАН И ЧАДУХ

Ж

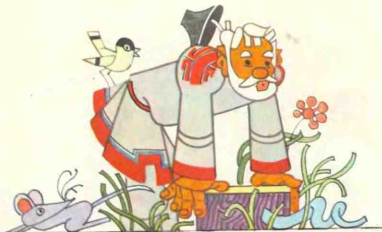

19

или-были старик со старухой. Дети у них умирали еще маленькими. Только самый младший сын, родившийся на радость отцу и матери уже на старости лет, рос живой и здоровый. Звали его Юманом.

Когда Юману исполнилось семнадцать лет, он начал упрашивать отца с матерью отпустить его учиться. Жили они бедно, поэтому родители сначала не хотели отдавать сына в школу. Но сколько ни отговаривали, ни упрасивали они Юмана, тот по-прежнему стоял на своем. Делать нечего—пришлось согласиться. Мать испекла в дорогу вкусных лепешек, а отец пошёл его провожать. Чтобы добраться до школы, надо было пройти много верст. Сначала Юман с отцом шли полями, прошли через огромный лес, потом, миновав большой-пребольшой луг, оказались на вырубленной поляне. Куда ни глянь, кругом одни пни. Решили они немного тут отдохнуть, перекусить. Но не успел Юман присесть на пенек, как вдруг из-под корня выскочил седобородый старик, схватил паренька и потащил в подземелье.

Это был колдун Чадух. Зла он людям не делал, но каждый год забирал к себе лучших

парней и учил их своему колдовскому ремеслу. Эти парни больше уже не могли увидеть ни отца с матерью, ни братьев и сестер. Поэтому все в округе его боялись и не любили.

Отец стал просить Чадуха вернуть единственного сына, но колдун сказал ему:

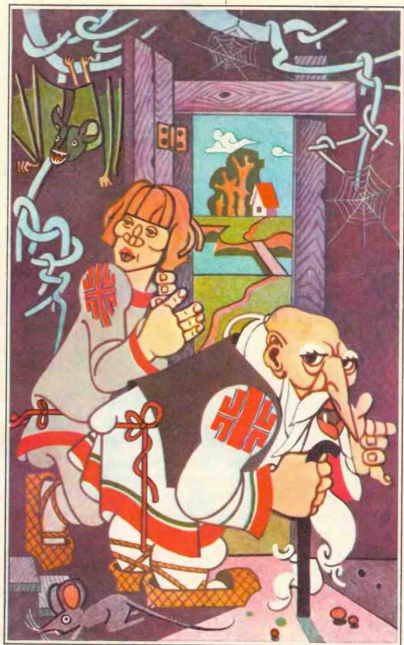
— Приходи через год, там поглядим. А раньше просить и не думай, все равно не отпущу.

Опечаленный старик-отец поднял с земли котомку с лепешками и побрел обратно к старухе.

Миновал год. Отец снова собрал котомку и, попрощавшись со старухой, пошел на ту вырубку, где они с Юманом встретили злого колдуна. Отыскал он тот самый пенек, сел на него и позвал Чадуха.

Не успел он договорить имя колдуна, как тот появился, словно вырос из-под земли, и повёл старика за собой.

В подземелье оказалось светлым-светло. Когда спустились, старик глазам своим не поверил: кругом луга с травой по пояс, тут же

река течет, недалеко шумит лес. Словно и не в подземелье они, а на самой земле. Чадух завел отца Юмана в дом, усадил в горнице, а сам куда-то вышел. В это время откуда ни возьмись появился Юман. Возмужал он так, что не узнать. Обнялись они с отцом, расцеловались.

— Я за тобой пришел, Юман. Пойдем домой,— говорит старик.

— Уйти отсюда не так просто, отец,— отвечает Юман.— Колдун Чадух держит у себя в неволе двенадцать парней. Он превратит всех нас в двенадцать голубей, словно две капли воды похожих друг на друга. А тебе надо будет в одном из них узнать меня. Смотри хорошенько: когда я буду влетать в горницу, одним крылышком незаметно коснусь пола. Потом Чадух превратит нас в двенадцать борзых собак. И на этот раз мы все будем похожи, с блестящей черной шерсткой и белыми пятнами по бокам и спине. Мы начнем с лаем кружить вокруг тебя. Когда я приближусь к тебе, пригну левое ухо—гляди получше, отец. Наконец, он превратит нас в двенадцать

красавиц. Мы опять будем похожи друг на друга. Когда я окажусь рядом с тобой, камешек на перстне на среднем пальце правой руки сверкнет в твою сторону. Только так ты узнаешь меня.

Едва успел Юман выйти, появился Чадух.

— Ну как, не скучал тут без меня?

— Нет, вроде, не скучал,— отвечает отец Юмана.

— Если хочешь забрать сына, тебе надо будет узнать его, хотя он совсем не будет похож на себя. Если узнаешь его все три раза, можешь увести домой. Сейчас они с друзьями войдут сюда, гляди получше.

Чадух распахнул невидимую дверь с левой стороны от себя и влетели двенадцать голубей. Они закружились, замахали крыльями вокруг отца Юмана. Когда влетали в горницу, один из голубей чуть коснулся левым крылышком пола. Отец Юмана сразу заметил его, а потом показал:

— Вот мой сын.

— Узнал, однако!— разозлился колдун.

Голуби один за другим вылетели из гор-

ницы. Дверь сама собой закрылась. Но распахнулась другая, с правой стороны. Оттуда вбежали двенадцать борзых собак и запрыгали вокруг отца Юмана. У всех хвосты подняты вверх, уши тоже торчком, только у одной левое ухо отвисло. Старик показал на неё:

— Вот мой сын!

Ничего не сказал на этот раз Чадух. Только хлопнул в ладоши и все исчезли. Тут распахнулась дверь напротив—в горницу плавно вплыли двенадцать разряженных красавиц. Не идут—скользят по полу, словно лебедушки. Все в шелках и парче, украшены драгоценными камнями. Станом стройные, высокие, лицом пригожие—хоть воду с них пей. Одна из них поймала перстнем, который был у нее на среднем пальце правой руки, солнечный луч и камешек блеснул на отца Юмана.

— Вот мой сын,—обрадовался отец.

Потемнел Чадух лицом, да делать нечего: уговор есть уговор. Посадил он Юмана с отцом за стол, угостил как самых дорогих гостей. На прощанье подарил Юману книги, разные гостинцы и вывел их из подземелья.

Идут отец с сыном домой: радостные, счастливые. Когда шли по полю, над ними со зловещим карканьем пролетел ворон. Тут Юман с отцом оба разом пригорюнились: поняли, что испытания еще не кончились.

Наконец, добрались они домой. На пороге старуха-мать встречает: все глаза проглядела, их ожидаючи. Попировали они на радостях, гостинцы Чадуха на стол выложили. А потом настало время подумать, как дальше быть. Пока их не было дома, хозяйство совсем оскудело, надо его поднимать. Юман говорит:

— Отец, завтра утром я превращусь в рысака. Ты сведи меня на базар и поторгуйся. Только пока десять тысяч рублей не дадут, не продавай. А если кто согласится заплатить столько денег, уздечку оставь себе, не отдавай вместе с конем.

На следующее утро Юман превратился в красивого коня. Отец, придерживая за уздечку, повел его на базар. Все, кто был на базаре, собрались поглядеть на красавца-коня. Кто вслух хвалит, кто от удивления только языком прищипкивает, Купцы наперебой восемь тысяч за

коня дают. Но отец Юмана ни в какую не соглашается. Тут на базар пришел седобородый старик. Это был переодетый Чадух. Он сразу согласился заплатить десять тысяч рублей. Просит отдать и уздечку, но отец Юмана вспомнил, что сын говорил, и не стал отдавать уздечку.

На деньги купил у торговцев муку, соль, сахар. Непокойно у самого на душе, испереживался, пока домой шел. Зашел в избу и стал рассказывать старухе, что случилось с ним на базаре.

— Ну как, отец, вернулся? — спрашивает в это время с печи Юман. Оказывается, он вернулся раньше и лег отдохнуть. Старик со старухой обрадовались, истопили печь, сварили суп — сытно теперь, и в избе уютно стало.

Перед тем, как лечь спать, Юман говорит отцу:

— Стану я завтра конем вороным краше сегодняшнего. Ты сведи меня на большую ярмарку, продай. Но меньше чем за пятнадцать тысяч не соглашайся, а коли продашь — уздечку не отдавай.

Наутро отец сделал все, как велел сын. Пошел он утром с вороным на ярмарку, и тут же вся ярмарка сбежалась на товар его поглядеть. А вороной и вправду всем коням конь: блестящая шерстка лоснится, ноги словно в белые носочки одеты, то и дело богатой гривой потряхивает, горделивую шею приподнимает, копытами землю бьет — того и гляди, вырвется сейчас из рук хозяина и не поскачет, а полетит. Купцы глаз с него не сводят, тринадцать тысяч предлагают. Но старик ни в какую не продает, хочет пятнадцать тысяч получить. Тут пришел опять на ярмарку седобородый старик. Отец Юмана и на этот раз не узнал Чадуха. Колдун сразу согласился заплатить столько, сколько просит старик. Он отдал отцу Юмана деньги, и пока тот пересчитывал их, взялся подержать коня за уздечку, а потом так и увел его вместе с уздечкой.

Вернулся радостный отец домой — а Юмана нет! Только тогда вспомнил он про уздечку, про то, что наказывал сын, и схватился за голову. Совсем лишился старик покоя, места себе

не находит, не знает, как быть, где теперь Юмана искать.

А колдун Чадух повел вороного в свое подземелье. Как только добрался домой, велел слугам запереть коня в конюшне и глаз с него не спускать.

— Подвесьте его так, чтобы передние ноги земли не касались, а голова до потолка не доходила. Три дня не кормите, три дня пить не давайте. А потом запрягите и заставьте возить в бочках воду. Подпругу не ослабляйте, поводья тоже покрепче держите.

Слуги исполнили все, как велено: вороного три дня подвешенным держали, ни есть, ни пить ему не давали. А потом стали возить на нем воду.

Заметили слуги, что когда они наполняют бочку, конь жадно смотрит на воду, и пожалели его, решили немного ослабить поводья.

Но только ослабили их чуть — конь коснулся губами воды и превратился в щуку, нырнул в воду. Удивленные слуги побежали домой, рассказали все Чадуху. Тот накричал на них, затопал ногами, но потом, оставив

всех, быстренько побежал к реке, превратился в сома и погнался за Юманом. В это время к реке спустилась за водой красивая девушка. Юман обернулся золотым кольцом и закатился в ведро. Говорит девушке:

— Сейчас из воды выскочит старик и станет просить тебя отдать ему колечко. Ты сначала не отдавай, а потом крикни в сердцах: «Пусть тогда ни мне, ни тебе не достанется» и кинь колечко на землю. Тогда я рассыплюсь на множество просяных зернышек. Ты наступи на одно и стой на нем. А когда я стану ястребом, коснись рукой моих крыльев.

Колдун Чадух тут как тут. Увидел у девушки кольцо и говорит:

— Это мое кольцо, я его здесь потерял.

Но девушка не хочет отдавать кольцо. Старик тоже не отступает. Тогда девушка крикнула в сердцах: «Коли так, пусть ни тебе, ни мне не достанется» и кинула его на землю.

Колечко ударилось об землю и рассыпалось на множество просяных зернышек. Чадух тут же превратился в петуха, начал склевывать

просяные зернышки. А девушка наступила на одно зернышко башмаком и стоит.

Петух склевал все просо, которое было на земле, взлетел на куст над рекой и радостно захлопал крыльями, закукарекал:

— Ку-ка-ре-ку! Нет больше Юмана!

В этот момент девушка убрала ногу и Юман из зернышка превратился в ястреба, налетел на петуха, вцепился ему когтями в грудку и заклевал насмерть. Так не стало колдуна Чадуха.

Девушка подошла к ястребу и погладила его крылья. И тут вместо ястреба перед ней предстал Юман, молодой статный, до того ладный да пригожий, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Глядит ласково, улыбается. Смутилась девушка, а глаз от молодца оторвать не может. Да и сама она была очень славная, на лицо красивая, станом тонкая.

Юман не стал долго думать да гадать: взял и женился на девушке-красавице. Все богатство колдуна Чадуха перешло им. Взяли они к себе отца и мать Юмана и стали жить да поживать, добро наживать, друг на друга радоваться, детей растить и сказку эту им сказывать.

ДЕТИ ВЕТРА

Чувашские народные сказки

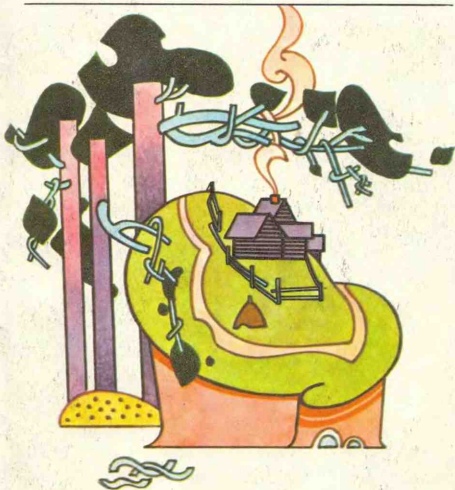
Перевод и обработка
Ириим Митта

Редактор А. А. Васильева
Художник В. А. Смирнов
Худож. редактор Г. С. Самсонова
Технический редактор Н. В. Васильева
Корректор Л. А. Иванова

Сдано в набор 04.01.88. Подписано к печати 2.09.88. Формат 70×180¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 12,6. Учетно-изд. л. 2,25. Тираж 150000 (1 завод 100000) экз. Заказ № 5. Изд. № 79. Цена 20 коп.

Чувашское книжное издательство,
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Государственного комитета
Чувашской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 428019,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

7/20к.
20-к.

ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

